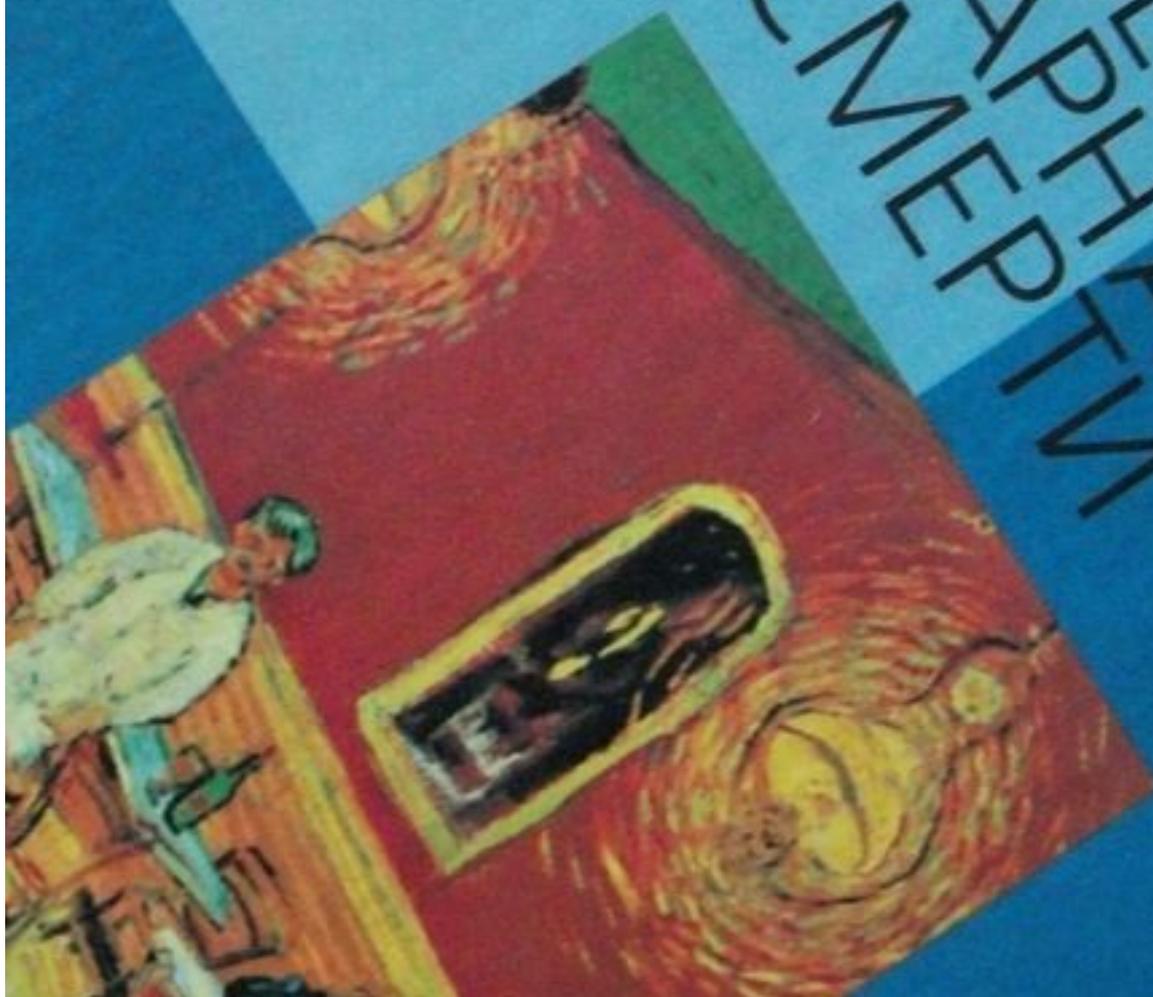

В. РОНЫШИН

**ОСЕННИЙ
КАРНАВАЛ
СМЕРТИ/2**

Валерий
Роньшин

ОСЕННИЙ
КАРНАВАЛ
СМЕРТИ

Валерий Роньшин

Осенний карнавал смерти – 2

«Издательские решения»

Роньшин В.

Осенний карнавал смерти – 2 / В. Роньшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855512-1

В этой книге говорится о том, о чём уже было сказано раньше; но поскольку никто не слушал, сказанное следует повторить: это неважно, что нас нет; главное, чтобы нам казалось, что мы есть.

ISBN 978-5-44-855512-1

© Роньшин В.
© Издательские решения

Содержание

Чудесные возвращения Егора Сладкосолева на планету Земля	6
Экспресс «Забвение»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Осенний карнавал смерти – 2

Валерий Роньшин

© Валерий Роньшин, 2017

ISBN 978-5-4485-5512-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чудесные возвращения Егора Сладкосолева на планету Земля

1

В канун праздника Успения Пресвятой Богородицы, в самом конце августа, ехал на электричке мужик по имени Егор, а по фамилии Сладкосолев. Он ездил в город Бежецк на базар продавать своего бычка Степана. Продал, очень удачно, и теперь при деньгах и навеселе возвращался в родное село Хлевное.

Доехал Егор до райцентра Сонково, где ему следовало с электрички на автобус пересест, и тут ему (как это часто с нашим братом, русским, бывает) моча в голову ударила. Дай, думает, пешочком пройдуся. Хотя идти надо добрых тридцать вёрст. А время – к ночи.

Ну, дурацкое дело не хитрое – руки в брюки – пошёл. Шёл-шёл – и застала его в дороге ночь. А он только-только до Лбово дотопал, от которого до Хлевногo ещё шагать и шагать. На улице ночевать Сладкосолеву, естественно, не хотелось. А гостиницы в Лбово, естественно, не было. В один дом Егор постучался, в другой – хрен попало! – никто на ночлег не берёт.

И тут видит Сладкосолев: кладбище; а рядом дом стоит, явно заброшенный. Он скорей туда.

Толкнул дверь, вошёл, огляделся впотьмах: стол, лавка, печка... Кинул Егор куртку на лавку, да и завалился спать.

И снится ему сон.

Будто находится он в этом же самом доме, а все вещи – из его дома (того, что в Хлевном). Свет ярко горит, печка жарко топится... А у печки жена Егорова с ухватом суетится. Варенька. *Лет десять как умершая.* Лепёшки печёт.

Сладкосолев прямо глазам своим поверить не может: ну всё как есть – его! Даже картинка на стене, из журнала «Огонёк» вырезанная, – баба в шапке с перьями, «Незнакомка» называется... Впрочем, замечает Егор, не совсем всё, как у него. Иконы в красном углу нет, Божьей Матери с младенцем Иисусом на левой ручке. О-очень это Сладкосолева удручило; потому как иконка эта не простая была, а намоленная, старинная, Егоровой матерью для оберега повешенная. А тут нет как нет... Зато чёрный кот по горнице так и шастает, так и шастает. Отродясь Егор котов не держал. Тем более чёрных. Пригляделся Сладкосолев – а голова у кота в *подпалинах*.

Умершая Варя знай себе глиняную посудину румяными лепёшками наполняет, маслицем золотистым поливает да сахарком посыпает. Самая что ни на есть любимая Егорова еда. А тут и не тянет; даже смотреть на лепёшки противно. Отвернулся Сладкосолев от лепёшек, глянул в окно, да так и ахнул. Потому что на звёздном небе вместо Луны висела какая-то неведомая планета, раза в три больше. И не жёлтая, а – зелёная. И не круглая, а – приплюснутая, как будто её сдавил кто.

Варя между тем с лепёшками управилась, взяла в руки нож и стала сало резать. Сегодня ж Иван Постный, лихорадочно соображает Сладкосолев, грех в руки нож брать. А Варя режет себе и режет, хоть бы что. Нарезала, ножик отложила и на Егора уставилась. При-истальню так разглядывает, будто в первый раз видит. Чёрный кот к ней на колени запрыгнул и клубком свернулся. Мур-р, мурлычет, да мур-р; и не ласково мурлычет, а зловеще: мур-р-р... словно рычит. Варя его гладит и на Егора всё глядит.

Сладкосолев, хоть и не робкого десятка был, а тут – сробел.

А Варя говорит как бы себе самой:

– Ишь глазки-то подленькие, так и бегают.

– О чём это ты, Варюш? – Егор спрашивает, а у самого сердце в пятки уходит.

– О том самом, – отвечает Варя, – о том самом... Расскажи-ка, мил дружок, как ты меня на тот свет спровадил.

– Вот этого, Варвара, не надо! – закипятился Сладкосолев. – Сама отлично знаешь, что у тебя было двухстороннее воспаление лёгких. И справка от врача имеется. И от судмедэксперта тоже.

– Справочки твои, – говорит Варя и котóву голову в подпалинах чешет, – *литовые*. – И такой у неё вид сделался – вот сейчас кинется Егора душить.

У Сладкосолева аж всё захолонуло внутри.

– Чё боишься-то? – спрашивает Варя с усмешкой. – Не бойсь. Не трону. Одно только, Егорушка, я тебе скажу: ребёночка я под сердцем носила. Он уж ножками в живот толкался, а ты нас – в гроб да на кладбище.

– Да какого ещё ребёночка?! – восклицает Егор. – Тебе ж вскрытие делали. Никакого ребёночка и в помине не было. Ты что думаешь, врачи совсем дураки? Ребёнка не заметили?

– А вот и дураки, – отвечает Варя. – А вот и не заметили. Как будто ты наших врачей не знаешь.

Ну, в общем-то верно, соглашается мысленно Сладкосолев, вспомнив, как на Масленицу ходил больной зуб лечить, а ему вместо этого два здоровых выдрали. А в другой раз, за неделю до Пасхи, в Вербное воскресенье, палец занозил; так вместо того, чтоб занозу вытащить, гады-врачи всю руку оттяпали. Правда, не ему, а Гришке-соседу, ну так оттяпали ж.

– Да-а... – тянет Егор.

– Вот тебе и «да», – говорит Варя. – Ребёночек во мне по сей день мается.

– Как это мается? – удивляется Сладкосолев. – Ты ж чёрт-те когда померла.

– Я-то померла, а ребёночек мается.

– И... что? – Егор никак не поймёт, куда Варя клонит.

– Вытащить его нужно, – отвечает Варя. – Тем более, что сыночек это твой.

Егор хоть и трусил отчаянно, но мужское самолюбие в нём так и взыграло! так и взыграло!..

– Насчёт того, чей это сыночек, бабушка надвое сказала! Я ж тогда на целине был. В Казахстане. Забыла что ль?!

Ничего Варя на это не ответила. Только лицо у неё зелёное стало, как неведомая планета за окном. И две слезинки из глаз выкатились. И обе – *кровавые*.

Тут Егор Сладкосолев и проснулся.

2

Проснулся, а в окошко солнце светит. Наше родное, земное солнышко... Птицы – фьюти-фьюти-фью... – заливаются; петухи – ку-ка-ре-ку-у-у... – перекликаются. Благодать!.. Вскочил Егор с лавки, схватил свою куртку и – бе-жать из заброшенного дома.

Бежит вдоль плетней и заборов, а самогó любопытство разбирает. Что ж это за дом, где сны такие снятся? Дай-ка, думает, спрошу.

Русские женщины, как известно, своей красотой по всему миру славятся, премии всякие за это самое получают, но в Лбово почему-то одна баба была страшнее другой. Ну буквально глаз не в кого окунуть. Та-акое на роже наворочено, не приведи Господь. Всё ж таки нашёл Егор женщину более-менее поприятственнее и приступил с расспросами:

– Слышь, тётка, а что это за изба?

– Которая?

– Да вон там, у кладбища.

Баба тотчас перекрестилась и лицом похмурила.

– Поганое место, – говорит. – Ведьма там одна жила, лет пять как помёрла. Ох, стерва была, ох, сте-ерва. Чё тока не вытворяла, поганка! На мою корову Зорьку порчу навела; та вместо молока кровью доиться стала. Правда, помногу крови даёт, ведра по три за одну дойку. Ну дак это ж не молоко, много не выпьешь.

– А не знаешь ли, – интересуется Сладкосолев, – был ли у неё чёрный кот?

– Как не быть, был котяра, – тётка рассказывает. – Ох, страше-енный чёрт. С подпалинами тут и тут, – показала пальцем на свою голову. – Видать, когда ядовитые зелья заваривала, плеснула на него ненароком.

Покивал Егор на тёткин рассказ да на остановку пропустил. Сел в автобус и поехал... А вскорости и Хлевное за грязными автобусными стёклами показалось, с милым сердцу родным домом и столь же милой и родной Нюрой, второй Егоровой женой. Ласковой, говорливой, работающей... Зарылся Егор лицом в две её необъятные груди, мягкие, как пуховые подушки, да и позабыл про странный сон, в котором ему первая жена Варя ребёночка у себя из живота вытащить наказывала.

А потом пришёл студёный месяц декабрь, а вскорости и Рождество, а следом и Сретение (когда зима с летом встречаются), и пошло-поехало... ночь на убыль, день на прибыль. Пасха наступила – Светлое Воскресение Христово; Святая Троица – весёлый месяц май. А затем снова лето красное пришло.

И вот как-то раз, под Петров пост, мужик какой-то в постояльцы к Сладкосолеву просится. И деньги хорошие сулит. С виду мужчина серьёзный, городской, в очках; обещает не беспокоить, так как не отдыхать приехал в Хлевное, а – наоборот – поработать в деревенской тиши. И называет себя как-то чудно, не по-нашему: господин Шульц.

Короче, столковались на всё лето.

И как обещал постоялец, так и поступил: целыми днями не видно его и не слышно. Даже на речку Кашинку, что в двух шагах от деревни, и то не ходит. Си-идит себе сиднем в пристройке, которую ему Сладкосолев выделил. Нюра, по уговору, каждое утро кринку молочка и миску сметанки под дверь ставит. Иной раз и это нетронутым остаётся.

Выйдет Егор во двор спозаранку – горит свет у постояльца; выйдет за полночь – опять оконце светится.

А за Сладкосолевым грех такой водился: любопытный был он очень. И до того интригует Егора таинственное поведение господина Шульца – ну прямо сил никаких нет. Сон потерял, аппетит... Наконец не выдержал Сладкосолев, открыл решительно дверь в пристройку и, столь же решительно, вошёл. А постоялец даже головы не повернул, над столом склоняясь, пишет что-то.

– Простите великодушно, – говорит Егор, уже не столь решительно. – Не подумайте чего. Но чем это вы тут занимаетесь? Ежели, конечно, не секрет.

Господин Шульц от стола повернулся, очки снял, платочком стёкла протёр. Лицо без очков ещё умнее, чем в очках. Да и вообще он мужчина видный. Вот только... *подпалины* на голове его наружность портят.

– Да нет, – отвечает, – не секрет. С удовольствием расскажу.

И рассказал.

3

Давно это было, гораздо раньше тех времён, когда большевики на Руси верховодить стали. Жил в этих краях один помещик. Вот как раз на том месте, где сейчас колхозный сви-нарник, его усадьба и располагалась. Звали его Пётр Ильич, как композитора Чайковского. По тем временам считался он человеком образованным, да и не по тем тоже. С Пушкиным

дружбу водил, сам пером баловался. И не только пером, а ещё и кистью – картины писал в духе Ватто. Конечно, такой человек не мог себя похоронить в деревенской глуши. Он и не хоронил. Большую половину года по заграницам разъезжал или в Москве и Санкт-Петербурге обитался. Везде у него свои дома имелись. Очень богатый был, да и здоровьем его Бог не обидел, да и внешностью... Но, как известно, русскому человеку без странностей не обойтись. Хлебом не корми, а подай ему чего-нибудь этакое... с перчинкой. Вот и у Петра Ильича странность была: любил он своих крепостных девок пороть. (Егор понимающе хмыкнул. «Нет, нет, – покачал головой господин Шульц. – Это совсем не то, о чём вы подумали».) Так вот, любил он пороть молоденьких крестьянок. Для этих целей у него и плёточка имелась – кожаная, кручёная. Оттого-то, при всей своей любви к барину, дали ему его крестьяне прозвище Лютый. Хотя правды ради надо отметить, что до смерти он ни одну девку не засёк, а после порки дарил им подарки.

И вот однажды привёз Пётр Ильич к себе в усадьбу француженку из Парижа; хрупкое, прямо-таки воздушное создание по имени Луиза Дюваль. Она была балерина. Луиза тут же переделалась в русский сарафан, косу заплела, полюбила пить квас и есть окрошку. А на утренней заре ходила к пруду (где теперь грязная лужа) и крутила там фуэте, а затем купалась.

И вот на её беду нашло на Петра Ильича очередное помутнение. Схватил он плеть и в сад бросился. А навстречу Луиза, которая как раз с купания возвращалась. Пётр Ильич за косу её, да на конюшню. И начал сечь. И засёк. *Насмерть!* (Это же вам не русская баба. Много ли француженке надо? Тем более балерине.) Конечно, здесь имело место и недоразумение. Ведь француженка могла крикнуть. По-французски. Воззвать, так сказать, к духовной сущности Петра Ильича. Но Луиза Дюваль, видимо, поначалу посчитала это национальной особенностью. По русской поговорке: «Бьёт – значит любит». Ну а потом... потом было уже поздно. Пётр Ильич в раж вошёл. Тут уж хоть по-французски кричи, хоть по-итальянски – не поможет.

Когда же помутнение Петра Ильича сошло на нет, он сильно убивался по несчастной Луизе. Но так до конца и не убился, а уехал в Петербург. Там он нашёл китайца, специалиста по бальзамированию, и привёз его в усадьбу. И китаец, надо отдать ему должное, сделал всё по высшему классу. Луиза Дюваль лежала в гробу живее всех живых. Тем временем на кладбище закончили возведение часовенки с витражами, рубиновым крестом на куполе и изваянием самой Луизы в мраморном гробу.

Настоящий же гроб с настоящей Луизой установили в склепе под часовней. И мало кто знал, что от усадьбы до склепа был сооружён подземный ход.

И вот как схоронили француженку, так и пошла про то кладбище дурная молва: будто бы там из-под земли голоса слышатся. А один божий странник клялся, что видел ночью на кладбище женщину в белых одеждах, танцующую меж крестов. Ну а уж в следующем веке, в расстрельные годы, там стали расстреливать. Говорили даже, что и самого царя-батюшку с семейством не в Екатеринбурге порешили, а на этом кладбище... Короче, – закончил свой рассказ господин Шульц, – загадочное место во всех отношениях.

Выслушал Сладкосолев со вниманием эту историю.

– Ну и что? – спрашивает.

– Ну и ничего, – отвечает господин Шульц.

– А чем вы всё-таки занимаетесь? – не отстаёт упорный Егор. – Ежели, конечно, не секрет.

– Да какой там секрет, – говорит господин Шульц. – С удовольствием расскажу.

И рассказал:

– Занимаюсь я инфернологией. Слыхали о такой науке?

Егор головой мотает – нет, не слыхал.

– Это наука об Аде, – разъяснил господин Шульц. – Дело в том, что по моим расчётам Ад находится в России.

– Как это в России? – озадачился Сладкосолев.

- Точнее, не в самой России, – поправился господин Шульц, – а *под* Россией.
- А почему именно под Россией? – ещё более озадачился Егор.
- Ну а где ж ему быть-то, как не под Россией, – убеждённо сказал господин Шульц.
- Действительно, – согласился Сладкосолев, сражённый наповал столь веским доводом.
- Что же касается входа в Ад, – сказал господин Шульц, – то он здесь.
- Где здесь? – не понял Егор.
- На том самом кладбище, где француженка лежит.

Наступила тишина. И только одинокая муха летала под потолком и жужжжжжжжжжжала.

4

С того дня взаимоотношения хозяина и постояльца заметно потеплели. А вскорости Егор с господином Шульцем и вовсе сделались закадычными друзьями, несмотря даже на явный перепад в интеллектуальном развитии. Си-и-дят себе вечерочками на завалинке и разговоры разговаривают. О том, о сём; о сём, о том.

И вот, в один из таких вечерков, Сладкосолев и рассказал своему новому другу свой старый сон.

– Любопытно, любопытно, – живо заинтересовался господин Шульц. – А не с четверга ли на пятницу вам этот сон приснился?

– Точно, – припомнил Егор, – с четверга на пятницу.

– Значит, вещий, – заявил господин Шульц и о чём-то задумался, да так глубоко, что Сладкосолев уже и спать было вознамерился идти, но тут господин Шульц очнулся от глубоких дум и говорит, указав пальцем в небо:

– Обратите внимание, Егор, луны на небе нет.

– Ну и что? – пожимает плечами Сладкосолев. – Счас тучи разойдутся, она и появится.

– Не появится, – отвечает господин Шульц. – Сегодня девятнадцатый лунный день. Сатанинский. Разгул тёмных сил.

– И что это значит? – не понимает Егор.

– А то и значит, что вход в Ад *открыт*.

Сказал это господин Шульц и смотрит на Сладкосолева выжидающе.

Егор заёрзал.

– И вы... хотите?..

– А почему нет?

– Дак темно уж, – пытается увильнуть Сладкосолев, – мы ж там ничего не увидим.

– У меня фонарик есть, – говорит господин Шульц.

– А... а... – Егор уже не знает, что ему и отвечать на такую неожиданность. В самом деле: только что спать собирался идти под тёплый Нюрин бочок, а тут – на тебе! – как бы в самое пекло лезть не пришлось.

– А вот, – наконец нашёлся Сладкосолев, – ежели *они* на нас кинутся?

– Обороняться станем, – говорит господин Шульц. – У меня пистолетик имеется. Как раз на такой случай.

– Ну-у... не зна-а-ю. – Егор репу свою чешет. – Надо, наверное, Нюру предупредить.

– Не надо.

– Почему?

– А что она, по-вашему, скажет? «Иди, Егорушка, в Ад»?

– Вообще-то верно, – согласился Сладкосолев.

Господин Шульц пружинисто встал с завалинки.

– Я пойду саквояж захвачу, а вы возьмите две лопаты. Штыковую и совковую.

– А лопаты-то зачем? – спрашивает Егор.

– Заодно жену вашу выроем, – бодро пояснил господин Шульц. – Вам же интересно посмотреть, что от неё осталось?

– Ну, интересно, конечно, – неуверенно пробормотал Сладкосолев.

... На кладбище и днём-то иной раз страх заберёт, что ж тогда говорить о безлунной ночи. Тут ещё и дождь напористый зарядил. Пока по деревне шли, вроде как нормально было – собаки во дворах лают, окошки в домах светятся... А как за околицу вышли, где тьма-тьмушная, Егор совсем духом пал. Идёт за энергичным господином Шульцем, ногой за ногу цепляет... Ещё и филин, ззззараза, вдруг зауhal! (У Сладкосолева внутри аж всё перевернулось от этого уханья.)

Наконец пришли. Сразу и дождь перестал. И ветер стих.

Тишина установилась. *Жуткая.*

Подшли они к Вариной могиле и за работу дружно взялись. И вскоре лопаты стукнулись о крышку гроба. Вытащили они его из могилы, открыли...

И пред ними предстала мёртвая Варя.

Глядит Сладкосолев на свою бывшую жену во все глаза. Нисколечко она за десять лет лежания в земле не переменилась. Вернее, переменилась, но в лучшую сторону. Похорошела.

– Ничего ж себе! – присвистнул господин Шульц, светя фонариком в лицо покойницы. – Это же Луиза Дюваль!

– Какая ещё Луиза Дюваль? – не сразу вспомнил Егор.

– Да та самая французенка, которую Пётр Ильич насмерть засёк. Помните, я вам рассказывал?

– Что-то вы, господин Шульц, путаете, – занервничал Сладкосолев. – Это моя первая супруга. Варвара.

Господин Шульц, как обычно, глубоко задумался, а потом и говорит:

– Всё понятно, ваша жена – *фантом*. На самом деле она умерла в прошлом веке. Поздравляю вас, Егор, вы жили с фантомом. А я ещё думаю, чего это она так хорошо сохранилась... Ну-ка, подержите фонарик, – деловито приказал господин Шульц и, отдав вконец обалдевшему Сладкосолеву фонарь, полез в свой саквояж.

Только теперь Егор заметил, что живот у Вари вздутый, как у беременной. Господин Шульц достал из саквояжа скальпель, воткнул его в Варин живот и разрезал вместе с саваном.

И тут... *и тут...*

Сладкосолев даже не понял сразу, что же случилось. Пронзительный визг ударил его по ушам, а по ноздрям ударило зловоние; и что-то стремительно вырвалось из Вариного живота (Егору с испугу показалось, что это была обезьяна) и понеслось прочь!

– Лови!.. Лови!.. – азартно закричал господин Шульц.

Да куда там – лови! Существо, что твой резвый жеребец, заскакало через кресты и могилы. Только его и видели.

– Так я и знал! – радостно потирал руки господин Шульц. – Так я и знал! Какое блестящее подтверждение моих теоретических выкладок! Это, пожалуй что, Нобелевкой пахнет!..

Сладкосолев растерянно молчал.

– Как вы думаете, кто это был? – весело глянул на Егора господин Шульц.

– Ну-у... не знаю... сынок, наверное, мой.

– Ха! Сынок! Ничего себе – сынок! Это же скунс! Самый настоящий скунс!

– Кто-кто?

– Есть такой зверёк, – начал объяснять господин Шульц. – Он водится в Северной Америке и по виду напоминает нашего хорька. Но дело не в нём. Я взял примерное название, чтобы как-то обозначить явление. Кто же *это* на самом деле, неизвестно. Лично я предполагаю его взземное происхождение... – Господин Шульц закурил, выдохнул дым и продолжил: – Таин-

ственные крошечные особи забираются через влагалище в умерших женщин и там развиваются до взрослого состояния. Чрево мёртвых дам для них – идеальная питательная среда. Внешне всё напоминает беременность. Когда же созревание заканчивается, «скунс» прогрызает живот покойницы и вылезает наружу. Они научились маскироваться под людей, и их практически не отличить от нас...

Сладкосолев насторожился. Ему показалось, что из Вариной могилы донёсся какой-то шум. Он посветил туда фонариком и...

И глазам своим не поверил.

– Господин Шульц, – сдавленно шепчет, – глядите...

А господин Шульц уже и так глядит.

– Да-а... – тянет.

Дело в том, что в размер Вариной могилы зияет – дыра. А в этой дыре, далеко внизу, земля виднеется. Ощущение такое, будто с громадной высоты смотришь. Как с самолёта. И по всей неведомой поверхности, насколько глаз хватает, костры горят. Костры, костры, костры... миллионы костров... Чёрный дым клочьями к небу поднимается (где Егор с господином Шульцем). А вместе с дымом летят человеческие вопли, вскрики, всхлипы... Прямотаки один сплошной стон несётся из могилы. И с такой болью... с такой болью...

Стоят Сладкосолев с господином Шульцем, пошевелиться не могут. Оторопь взяла. А из-за ближайшего креста скунс появился. Уже заметно подростый, и уже в каком-то рванье и кирзовых сапогах. Подкрался он тихонечко и господина Шульца в могилу ногой толкнул. А затем, той же ногой, толкнул в могилу и Егора.

5

Очнулся Сладкосолев в подземелье. Тусклые лампочки по стенам горят; вода в отдалении капает: кап-кап, кап-кап... гулко так звук разносится. Рядом господин Шульц сидит. Живой и невредимый.

– Господин Шульц, – спрашивает Егор, – это где же мы с вами находимся? В Аду, что ли?

– Не думаю, – подумав, отвечает господин Шульц.

– Может, это тогда тот самый подземный ход, который Пётр Ильич к своей француженке велел прорыть? – предполагает Сладкосолев.

– Не похоже, – говорит господин Шульц. – Больно уж широкий проход, прямо как тоннель метро.

– Как же мы тут очутились? – чешет затылок Егор.

– Чёрт его знает, – чешет и господин Шульц свою подпалину. – Но надо, по-моему, отсюда выбираться поскорее.

С этими словами он встал и быстро пошёл по извилистому подземному ходу. Сладкосолев, конечно, следом.

– И чего это с нами приключилось? – продолжает недоумевать Егор по дороге. – А, господин Шульц?

– Понятия не имею.

– А мы Ад что ли видели?

– Вряд ли, – качает головой господин Шульц. – Скорее всего, это была обычная галлюцинация, вызванная психоэнергетикой, исходящей от вашей мёртвой жены. Точнее, от фантома. Я слышал о таких штучках.

– Но тогда... – начал было Сладкосолев и осёкся.

Потому что из-за поворота показались какие-то люди с винтовками.

– Стоять! – грозно приказали.

И сразу же – бах! бах! – пальнули несколько раз для острастки.

Егор с господином Шульцем, естественно, на месте замерли. Неизвестные подошли, обыскали, забрали у господина Шульца так ему и не пригодившийся пистолет, связали пленникам руки, заодно завязали глаза и куда-то повели.

Сначала вели в гору, потом под гору, затем лестницы пошли, хлопанье дверей, разговоры с матерщиной, запах курева... Наконец повязки с глаз сняли, руки связанными оставили.

Смотрит Сладкосолев: большущая комната с большущим столом. А на столе сидит карлик.

– Это же наш скунс, – шепчет Егору господин Шульц.

Пригляделся Егор: точно, он.

Тут дверь в комнату отворилась и на пороге появился здоровенный детина в папаче и с маузером.

– Товарищ Петренко, – докладывает, – кулаков из райцентра привезли. Куда их девать?

Подвалы все забиты.

– Чем забиты? – спрашивает скунс.

– Монахинями.

– К стенке их!

– Кого – их? – не понял детина.

– Монахинь.

– А кулаков в подвалы?

– Нет, – сказал скунс, – тоже к стенке.

– А в подвалы – кого? – снова не понял детина.

– В подвалы – реквизированный картофель.

– А этих тоже к стенке? – Детина кивнул на Сладкосолева и господина Шульца.

– Этих?.. – посмотрел скунс вначале на Егора, потом на господина Шульца. – Да, этих тоже.

Сладкосолева с господином Шульцем провели недлинным коридором во внутренний дворик, поставили у кирпичной стены. И – *расстреляли*.

6

Снова очнулся Егор. На сей раз в стеклянном гробу. «Неужто нехристи по-христиански схоронили?» – поразился он и огляделся. Гроб стоял в небольшой комнатке, сплошь увешанной коврами. Даже на потолке был ковёр.

Вылез Егор из гроба и сразу же увидел... Варю. *Живую*. С распущенными волосами и в длинном полупрозрачном платье. Егор так и ахнул. И Варя ахнула. Егор насторожился. И Варя насторожилась. Егор ногой топнул. И Варя топнула... Тут-то до Егора и дошло, *что он и есть Варя!* И что перед ним зеркало.

Прошёлся Сладкосолев по комнате туда-сюда, сюда-туда... Странные ощущения: груди вперёд тянут, зад – назад. Чудно!

Вдруг раздался тихий стук в дверь. А следом голос, очень знакомый.

– Мадемуазель Дюваль, – промурлыкал голос, что твой кот, – позвольте войти. Это я, Пётр Ильич.

– Ну входи, – говорит Сладкосолев, а сам своему бабскому голоску дивится.

Дверь отворилась, и в комнату вошёл... господин Шульц в старинных одеждах. Подойдя к Сладкосолеву, точнее – к Варе, а ещё точнее – к мадемуазель Дюваль, господин Шульц галантно поцеловал у неё ручку.

– Как изволили почивать, дорогая Луиза? – интересуется.

– Да ничего, – отвечает Егор. – Нормально.

А господин Шульц руки Егоровой не отпускает, девичьи пальчики поглаживает.

– А я за вами, – мурлычет. – Окажите честь, отужинайте со мной... – И вдруг хватъ Сладкосолева за сиськи! И ну их мять!

– Но! но! но! – возмущённо занокал Егор от подобного обращения.

– Мадемуазель Дюваль... Луиза... Лизанька... – лихорадочно бормочет господин Шульц, покрывая страстными поцелуями Сладкосолевское лицо. – Прошу... у-мо-ля-ю... одну ночь...

И, не дав Егору опомниться, подхватил его на руки и понёс к дверям... Довольно долго ташил он Сладкосолева узким и длинным коридором, затем надавил на выступ в стене, стена отъехала, и они очутились в опочивальне.

Господин Шульц из хрустального графинчика в хрустальную же рюмочку винца налил.

– Отведайте, Лизанька. – протягивает рюмашку Егору. – Ваше любимое. Бургундское.

Сладкосолев отведал. Честно сказать, так себе. Слабенькое. То ли дело первачок.

А господин Шульц мягко, но настойчиво уже тянет Егора к кровати.

– Лизунчик, – страстно шепчет, – вы обещали именно сегодня. В годовщину вашей смерти.

Понял тут Егор, что ежели он и далее будет хранить своё инкогнито, то господин Шульц его, пожалуй, и... Сладкосолева аж в жар бросило. Этого ещё не хватало, думает, не ровён час и рожать придётся.

– Вы же обещали, Луиза, – прямо-таки сгорает от похоти господин Шульц, – обещали...

– Ничего я вам, господин Шульц, не обещал, – холодно промолвил Егор. – Не выдумывайте.

Господин Шульц резко голову откинул, словно его в лоб звезданули.

– Егор?! – вскричал. – Ты что ль?!

– Я, – отвечает Сладкосолев.

Тут господин Шульц как примется хохотать. Хохоchet и хохоchet... На кровать от смеха повалился, слёзы из глаз ручьями бегут.

– Ой, не могу! – ухахатывается.

– Вам-то смешочки... – Егор тяжело вздыхает. – А мне какво? Даже по нужде теперь по-нормальному не сходить.

Отсмеялся наконец господин Шульц и сигару закурил.

– Не переживайте, Егор, – попыхивает. – Знаете, что гласит восточная мудрость: «Женщина, не печалься, что ты женщина, ибо в следующей жизни станешь мужчиной. Мужчина, не радуйся, что ты мужчина, ибо в следующей жизни станешь женщиной».

– Чё-то я вас не понимаю, – пожимает девичьими плечами Сладкосолев.

– А я сейчас объясню, – говорит господин Шульц и объясняет: – Многие люди помнят свои прошлые жизни. Вы же, как это ни странно, помните свою будущую жизнь. Короче, французская балерина Луиза Дюваль в следующей жизни станет русским трактористом Егором Сладкосолевым. Уяснила, Лизавета?... – игриво ущипнул господин Шульц Егора за щёчку.

Ни-чё Егор не уяснил.

– А как же – вы? – спрашивает. – Вы вон как были мужиком, так мужиком и остались.

– Я – это совсем другое дело, – отвечает господин Шульц. – Я, если хотите знать, вообще не человек.

– А кто же вы? – недоумевает Сладкосолев. – Скунс что ли?

– И не скунс... – Господин Шульц помолчал немного и прибавил значительно: – Помните чёрного кота с подпалинами из своего сна?

Егор насторожился.

– Ну?

– Баранки гну... Вот и подумайте на досуге своей... – господин Шульц по Егорову лбу пальцем указательным постучал, – жопой.

Сладкосолев принялся и прислушался.

– Горелым пахнет, – рассказывает. – И будто кричит кто.

Плотные занавески на окнах заалели. Господин Шульц их в сторону отдернул. А за окнами всё пылает!.. И пристройка, и амбары, и конюшня... А по двору в зареве пожара чьи-то тени мечутся.

– Что такое?.. – растерялся господин Шульц.

– А вот это уже я вам объясню, – говорит Егор, ощущая в душе странное удовлетворение. – Крестьяне вам красного петуха пустили! Ну, держитесь, господин Шульц! Счас они с вилами заявятся!

И точно. Двери распахнулись, и в опочивальню ворвались бородатые мужики с вилами, топорами и дико горящими глазами.

– Ага-а! – заорали, – вот ты иде, колдун проклятый, с ведьмакой-полюбовницей!

– Господа! Господа! – заверещал господин Шульц.

Тут ему «господа» острые вилы в живот и воткнули. А вслед за этим и Сладкосолева рубанули топором по прелестной французской головке.

7

На сей раз очнулся Егор в общественном туалете, на полу... Поднялся Сладкосолев, оглядел себя. Бродяга бродягой. Одежда на нём вся как с помойки – рваная, грязная... Голова гудит, будто по ней обухом вдарили (впрочем, так ведь оно, по сути, и было). Вышел Егор на улицу, смотрит – а он снова в Бежецке, куда год назад на базар ездил, бычка Степана продавать. И так же электричка стоит на Сонково. Сел Сладкосолев в вагон. Билет, конечно, не взял, на какие шиши?.. Вскоре поехали.

Напротив Сладкосолева опустилась на скамейку тётка с авоськами и сумками. Здоровенная, грудастая, чем-то Егорову жену Нюру напоминает... Сладкосолев, чтоб с тёткой глазами не встречаться, в пол уставился. Неудобно ему от своего бомжеского вида.

Смотрит: а на полу билет валяется. Егор ногой его к себе подвинул и, наклонившись, поднял. И как раз вбóремя.

– Билеты, билеты проверяют, – тревожно пронеслось по вагону. Разговоры разом стихли, даже дети малые и те примолкли... Все чего-то ждут. Чего?.. – недоумевает Сладкосолев. Ко всему прочему ещё и электричка остановилась. Прямо в чистом поле. Дверь в вагон отворилась, и вошли два контролёра – молодые ребята в чёрной форме и с короткоствольными автоматами.

– Прошу приготовить проездные документы, – вежливо сказал один.

И пошли по проходу. А тишина в вагоне стоит, прямо как на кладбище.

– Ваш билет, мужчина, – обратился контролёр к Сладкосолеву.

Егор показал. Контролёр повернулся к грудастой тётке.

– Ваш билет, женщина.

Тётка полезла за билетом в карман линялой кофты – не нашла, сунула руку в другой карман – тоже нет. Лицо её жалко исказилось.

– Я брала, брала... – умоляюще смотрела она на мальчишку-контролёра.

– Да вы не волнуйтесь, – успокоил её тот. – Поищите в сумке. Я подожду.

Тётка принялась лихорадочно рыться во всех своих сумках и авоськах. Билет не находился.

– Да брала же я! – голос её истерично звенел. – Вот те крест, брала!

– Ну что вы так нервничаете, – сказал контролёр. – Давайте я вам помогу. – И он, подхватив тёткины вещи, пошёл по проходу.

Тётка потерянно поплелась следом.

– Брала я... брала... – обращала она зарёванное лицо к пассажирам. Все молча отворачивались.

«Что за хрень?» – не понимает Сладкосолев. Отдать что ли бабе её билет? Ишь как убивается... Кроме Егоровой соседки контролёры выявили ещё трёх безбилетников: двух девочек-близняшек и глубокого старика. Вывели они их из вагона в чисто поле, поставили в ряд и... *расстреляли*.

Электричка, дав короткий гудок, снова тронулась. Напряжение в вагоне схлынуло. Все разом заговорили... Один только Егор сидит, как будто язык проглотил. Весь ошарашенный и огорошенный.

Нéчего и говорить, что в Сонково Сладкосолев первым делом напобирался Христа ради на автобусный билет и только после этого поехал в Хлевное. За грязными окнами автобуса потянулись родные места. Егор как-то враз и успокоился. А к родному дому подходил, предвкушая, как он уткнётся носом в мягкие Нюрины груди... Открыл Сладкосолев дверь, вошёл – глядь! – а на лавке сидит безобразная старуха с чёрным котом на коленях... *С тем самым...*

Подняла старуха морщинистое лицо на Егора да как заорёт проваленным ртом:

– Сатана! Сатана! Сатана! Сгинь! Сгинь! Сгинь!..

Егора как живым кипятком ошпарило. *Это была его Нюра!*

Тут какие-то люди набежали, скрутили Сладкосолеву руки, посадили в погреб... Потом приехал милицейский фургон с зарешеченным окошком, и два милиционера-карлика повезли Егора в Сонково, в тюрьму.

Обвинили Сладкосолева сразу по трём статьям. Первая: каннибализм. Будто бы Егор сорок лет назад гражданина Шульца убил и съел. Вторая статья: измена Родине. Будто бы, когда подсудимый Сладкосолев на целине в Казахстане работал, его завербовала казахская разведка. И третья статья: воровство. Будто бы бычок Степан, которого Егор на базаре продал, – краденый.

Суд состоялся накануне праздника Тихвинской иконы Божией Матери. Сладкосолева усадили на скамью подсудимых, в клетку, как особо опасного преступника.

– Прошу встать! – визгливо выкрикнула тётка-секретарь. – Суд идёт!

Председательствовал на суде опять же карлик, а по сторонам от него сидели две бабы-прихлебательницы, ну то есть заседательницы.

Не успел суд прийти, как тут же удалился на совещание. После чего карлик-судья зачитал приговор.

Приговорили гражданина Сладкосолева, ранее не судимого, к *разрыву*.

Что это такое, Егору после суда объяснил словоохотливый адвокат:

– Разрыв, Егор Тимофеевич, самый распространённый вид казни на Руси, получивший второе рождение в наши дни. Разрыв не требует больших материальных затрат, как, например, электрический стул. Преступника привязывают к двум согнутым деревьям и отпускают. Деревья разгибаются – разрывая казнимого... – Видя, что Сладкосолев побледнел, адвокат поспешно добавил: – Не волнуйтесь, Егор Тимофеевич, я уже подал прошение в Верховный суд; так что, возможно, разрыв вам заменят четвертованием. Надейтесь.

– Спасибо, – пролепетал бедный Егор. – Буду надеяться.

А в конце осени, сразу после Михайлова дня, открылась дверь камеры смертников и вывели Сладкосолева в тюремный двор, где две белоствольные берёзки-красавицы были специально одна подле другой посажены. А далее – всё, как адвокат описывал: приклонили берёзки к земле, привязали Егора за ноги: одну ногу к верхушке одной берёзоньке, вторую – к верхушке другой. Да и отпустили под аплодисменты зрителей.

И душа Сладкосолева улетела на небо.

Сказывали после, что в тюрьме Егор усердно Богу молился. Просил послать ему Ангелов Небесных для спасения. Но... Не каждая молитва доходит до Господа.

И ещё сказывали, что, когда Егоровы останки в яму закапывали, невесть откуда взялся чёрный кот с подпалинами. И в эту яму прыгнул. И как его оттуда ни выманивали, не вылез. Так мёртвого Сладкосолева с живым котом и схоронили.

Экспресс «Забвение»

1

Фанни Боровская, крашенная блондинка лет тридцати, была, что называется – на любителя. Бледное лицо, выразительные глаза и яркие, словно кровью вымазанные губы.

Её муж до своей преждевременной кончины работал коммерческим директором в какой-то сомнительной фирме, которая занималась перекраской автомобилей. Собственно говоря, он не умер в прямом значении этого слова; Фанни его пристрелила.

В последнее время он действовал ей на нервы. Так, например, придя с работы, муж сразу становился на четвереньки и вёл себя, как собака. Бегал с весёлым лаем по комнатам, ел из миски (причём требовал, чтобы миска обязательно стояла рядом с мусорным ведром), приносил Фанни тапочки в зубах, обожал, когда она его чесала за ушком... И всё это, в принципе, было бы вполне терпимо; мало ли у кого какие причуды?.. Но всему же есть предел.

В один прекрасный день муж наотрез отказался разговаривать, а только таякал и скулил. А когда Фанни попыталась заставить его сказать хотя бы одно человеческое слово, он злобно укусил её.

Фанни, недолго думая, достала из ящика пятизарядный револьвер старого образца и всадила в взбесившегося мужа все пять пуль... Ей без труда удалось убедить молоденького следователя, что это была месть мужниных конкурентов.

...Фанни сидела в темноте. Фанни любила темноту. В темноте она чувствовала себя более защищённо, чем при искусственном и уж тем более – естественном освещении.

Схватив фляжку с коньяком, Фанни надолго присосалась к горлышку. На неё напал безудержный смех, когда она вспомнила покойного мужа-пса. «Ш-ш-ш... – сказала она себе. – Они могут услышать. Они уже близко».

Ещё чуть понежившись на диванчике, Фанни вскочила и понеслась на кухню. Здесь она опустилась на четвереньки перед чистой эмалированной миской с молоком (грязную миску мужа Фанни давно выкинула на помойку) и, высунув розовый язычок, начала жадно лакать. Молоко скисло, и Фанни испытывала от этого странную смесь наслаждения и отвращения.

Напившись молока, она запрыгнула на широкий подоконник, а после выпрыгнула в заблаговременно открытое окно... И так – прыг-прыг-прыг – допрыгала до крыши.

Оказавшись на крыше, Фанни сладко потянулась. Вот этот момент *перехода* она любила больше всего. Острое ощущение полноты жизни охватило её от кончиков ушей до кончика хвоста... Да! Фанни была кошкой!.. Она ещё и потому пристрелила мужа (и это было главное!), что он не просто прикидывался собакой, но по сути своей был собака. Фанни же, как всякая нормальная кошка, люто ненавидела собак.

...Под утро Фанни вернулась домой. Усталая, голодная и счастливая. Вполне удовлетворившая свою похоть. Она залезла в ванну и долго лежала в тёплой воде, не шевелясь и закрыв глаза. Наслаждаясь...

Когда Фанни вошла в спальню, ей вдруг показалось, что наступила новогодняя ночь. Непонятное сияние озаряло комнату. Слово бы от разноцветных лампочек, горящих на ёлке. Фанни охватил дикий восторг. Раскинув руки, она закружилась. Но тут же остановилась. «Ш-ш-ш... – сказала она себе. – Они уже здесь».

2

Жизнь – временное явление, потому что даётся нам на время. Её надо просто переждать, как переживают дождь или снег...

Вот Макаров и переждал.

В общем, когда в соседней квартире Фанни уснула, Макаров – наоборот – проснулся. И сразу же задел локтем будильник, стоящий на прикроватной тумбочке. Часы упали на пол. Тиканье прекратилось. На улице завывала собака. «Сегодня непременно кто-нибудь умрёт, – подумал Макаров. – Может быть, даже я». Он встал с кровати и пошёл в ванную ополоснуть лицо. «Время остановилось, – сказал он своему отражению в зеркале. – Время дало трещину».

В городе было ещё пять зеркал, в которые Макаров более-менее регулярно смотрелся. Два из них он любил; два других нет. А одно – пятое – просто-таки ненавидел. Это зеркало находилось в туалете пивнухи, в которую Макаров частенько захаживал. Из-за своей неумеренной любви к пиву ему никак не удавалось избежать неприятного зрелища. Каждый раз, заскакивая в туалет, он обязательно натёкся на своё отражение...

Макаров вернулся в комнату. Будильник валялся на полу. А с иконы, висевшей в углу и изображавшей святого Серафима, нагло ухмылялась голая девица. «Плохо день начинается, – с тоской подумал Макаров. – Ох, плохо...» Его вновь охватило предчувствие близкой смерти. Он взял трубку и набрал номер автоответчика времени. В трубке стояла кладбищенская тишина.

Включив компьютер, Макаров забарабанил по клавиатуре. «Время дало трещину, – печатал Макаров. – И в эту трещину полезли всякие гады и твари. Извиваясь, раздирая до крови жирные бока, хватаясь за острые края...» Перестав печатать, Макаров резко отодвинул клавиатуру. Так резко, что та полетела на пол.

Затем Макаров оделся и вышел из дома.

«Вот это – моё, – думал он, бредя по грязным улицам. – Мерзкий дождь, разворошенные помойки, хмурые лица прохожих...» Впрочем, возможно, всё это лишь абберрация зрения. И на самом деле светит солнце, помоек нет и в помине, а все прохожие радостно улыбаются... «Не дай Бог, – подумал Макаров. – Мне этого не надо. Мне хорошо, когда – *вот так*».

Пивнуха была ещё закрыта, и Макаров решил сходить в кино. Свет в зале погас. На экране замелькали кадры погонь и перестрелок. А в душе у Макарова нарастала тревога. «Что ж такое получается? – думал он. – Время остановилось, и *они* полезли...» Но, похоже, кроме Макарова никто этого не заметил... Заба-а-вно. Время треснуло, как старая чашка, а все продолжают жить, словно ничего не произошло.

Макаров глянул на светящийся циферблат. Да, время стоит. А *эти* упорно продолжают лезть. Режут в кровь скрюченные пальцы... Интересно, какого цвета у них кровь?.. Жёлтая?.. Или, может, зелёная?.. Макаров, не досмотрев фильм, вышел на улицу.

Вышел и – остоленел!

Вместо милой сердцу пивнухи его глазам явилось шикарное заведение с витринами. На одной витрине красовалась смазливая девица; с другой – скалились породистые псы...

Дверь сама собой открылась, как бы приглашая Макарова войти. И он вошёл.

3

Внутри всё мигало, сверкало и переливалось.

Зеркальные плитки пола. Зеркальная стойка бара. Блестящие шары под потолком... Там и сям стояли столики с розовыми ночничками... Словом, всё было как положено.

Вот только... дверь в посудомойку приоткрыта, и лысый карлик с придурочной ухмылкой орудует у раковины с грязной посудой; вот только барменша... как бы это сказать... гермафродитка; вот только грустная девушка в бледно-голубом платье, сидящая на краю эстрады, уж больно смахивает на утопленницу... А так... так всё нормально.

Макаров огляделся. Десятки зеркал враждебно смотрели на него пустыми глазницами. Ни в одном из них он не отражался.

«Начинается», – подумал Макаров.

К нему через весь зал суетливо подбежал распорядитель.

– Добро пожаловать, гость дорогой, – оскалился он в неприятной улыбке.

Макаров взглянул на его руки. Обе ладони распорядителя были в свежих порезах.

На эстраде появился здоровенный саксофонист с удивительно уродливой физиономией.

Одни рыбы глаза чего стоили. Он стал выдавать на своём саксе хриплые прерывистые звуки. Девушка-утопленница тотчас забралась на сцену и начала извиваться в медленном танце.

Распорядитель повёл Макарова в самый отдалённый угол зала.

– Вы знаете, как называется наше заведение? – полуобернувшись, спросил он.

«Знаю, – мысленно ответил Макаров. – „Ловушка“».

– Что будем пить? – деловито осведомился распорядитель, усадив Макарова за столик.

– Кровь, – сказал Макаров.

– Простите? – не понял распорядитель.

– У вас кровь на подбородке, – показал Макаров пальцем на свой подбородок.

– Порезался, – пробормотал распорядитель и молниеносно слизнул зелёную капельку длинным языком. – Так что вам принести?..

– Пиво, – сказал Макаров.

Из посудомойки выглянул лысый карлик. Он зорко оглядел зал. Увидев Макарова, карлик направился к нему.

– Привет, Вилли, – сказал он писклявым голосом. – Как поживаешь, приятель?

– Я не Вилли, – ответил Макаров, морщась. От писка карлика у него фонило в ушах.

Зал быстро заполнился. Свободных столиков уже не осталось. Справа от карлика села молодая женщина с бледным лицом и яркими, словно кровью вымазанными губами.

«Типично вампирическая внешность», – подумал Макаров.

– Здравствуйте, – сказала она, мельком взглянув на Макарова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.